

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТАЛЛЯЦИОННОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ КАК МОДАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМИНИРОВАНИЯ В ПЕРСОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

В настоящем исследовании предпринят анализ базовых приемов и тактик построения перформативного высказывания в персонально-ориентированном дискурсе, а также способов сохранения их эффективности при переводе англоязычных высказываний на русский язык. Наиболее частотной и эффективной стратегией имплементации доминирующего положения продуцента признается инсталляционная, которая, по мнению автора, осуществляется на основе реализации двух векторов интерпретации: субъект-субъектных ситуативно-объектно опосредованных отношений и 2) субъект-объектных отношений. Опосредованный субъект-субъектный вектор обеспечивается за счет акцентуации главенствующего положения продуцента посредством применения тактик манифестации, конфессивности и бравады. Данные тактики не только позволяют автору высказывания оккупировать альтернативную роль модератора коммуникации, но и создать пространство эскупации в случае срыва коммуникативного намерения. Процессы вербальной экспликации недоминирующего пространства коррелируют с использованием комитативных, апеллятивных и реквестивных актов на основе тактики консолидацион-

ного/конфронтационного позиционирования. В данном случае речевой поступок может трактоваться как максимально перформативный с оттенками негативного действия, ведь акт лицемерной комплиментации является реальным, а не вербальным «проступком».

В процессе трансляции компонентов экспансии доминирующего положения и обеспечения максимальной степени доступа к управлению развитием дискурса наиболее сложным является сохранение в целевом тексте адекватного перлокутивного эффекта перформатива с учетом лингвокультурных расхождений в когнитивно-коммуникативной ратификации модальных пространств. Обеспечение трансляции перформативных смыслов осуществляется с применением комплексных лексико-грамматических трансформаций, контекстуальных эквивалентов корректируемых на основе прагматической верификации, а также аддиции или девальвации экспрессивных компонентов исходного перформатива.

Ключевые слова: персонально-ориентированный дискурс, перформативность, переводческие трансформации, иллокуция, перлокуция, перформативные стратегии.

Oksana Kniazeva, Valeriia Boldyreva

TRANSLATOLOGIC PECULIARITIES OF INSTALLATION PERFORMATIVITY AS A MODAL DOMINATIVE SPACE IN PERSON-ORIENTED DISCOURSE

This study offers an analysis into the basic techniques and tactics of constructing a performative utterance in a personally oriented discourse, as well as ways to preserve their effectiveness when translating utterances from English into Russian. The most frequent and effective strategy for implementing the producer's dominant position is considered to be installation, which, subject to the author's opinion, is based on implementing two vectors of interpretation: subject-subject situationally objective mediated relations and 2) subject-object relations. The mediated subject-subject vector is sustained through accentuating the producer's dominant position through employing tactics like manifestation, confessiveness and bravado. These tactics not only allow the author of the statement to take over the actual role of the communication moderator, yet also help create a space for exculpation in case the communicative intention is disrupted. The processes of non-dominating space verbal explication correlate with the use of commitative, appellative and requestive acts based on the "friendly positioning" tactics. In this

case, a speech act can be interpreted as the most performative with shades of negative action since the act of hypocritical complimentation is a manifestation of real, not verbal "misdeemeanor".

Through translation of the expansion components of the dominant position, and ensuring the highest degree of access to the discourse development, the most difficult part is to maintain in the target text proper perlocutionary effect of the performative in view of the linguistic and cultural differences of the cognitive-communicative ratification of the modal spaces. Translation of performative meanings is ensured through employing complex lexical and grammatical transformations, contextual equivalents corrected based on pragmatic verification, as well as addition or devaluation of the expressive components of the original performative.

Key words: personally oriented discourse, performativity, translation transformations, illocution, perlocution, performative strategies.

В условиях современного развития манипулятивных аспектов различных речевых практик некоторые сферы когнитивной лингвистики и прагмалингвистики представляют собой весьма плодотворное поле для изучения и анализа дискуссионных, хотя и весьма эффективных способов имплементации продуцентской иллокуции в перлокутивное пространство. Возможности сохранения перлокутивного эффекта подобных средств воздействия наиболее четко эксплицированы в перформативных высказываниях как интенсивно детерминативных конструкциях, реализующих наивысшую степень «социокультурного регулирования» [2, с. 122] посредством персональной легитимизации собственного статуса. В рамках межкультурного взаимодействия наиболее сложным

представляется сохранение адекватной иллокутивной цели перлокутивного эффекта перформатива с учетом лингвокультурных расхождений в когнитивно-коммуникативной ратификации модальных пространств.

Коммуникативные действия в персонально-ориентированном типе дискурса, как правило, реализуются в четырех видах стратегий: инсталляционной, аффирмационной, контроверзной и трансформационной. Примарной в аспекте реализации необходимой степени воздействия является инсталляционная стратегия перформативности, которая вербализует два типа интерпретативных векторов: 1) субъект-субъектные ситуативно-объектно-опосредованные отношения и 2) субъект-объектные отношения.

В опосредованном субъект-субъектном векторе доминирующей являются тактики индивидуально-авторской идентификации и акцентуации при повышении степени экспрессивности высказывания (манифестация, конфессивность, восклицание о победе или поражении, бравада).

При конфессивном или пораженческом восклицании происходит элиминация компонентов доминирования и дискредитирует субъекта высказывания. Данный тип ситуативно опосредованной тактики, хотя и используется чрезвычайно редко, необходимо включает в себя дополнительные валентностные характеристики, такие как оправдание или готовность понести наказание. Например, *My fault in his death can only be justified by my weal intentions to help his daughter get insurance* [8, p. 74]. – *Моя вина в его смерти может быть оправдана лишь моими благими намерениями помочь его дочери получить страховку* (перевод автора – О.К.). Постоянные и облигаторные тактики экскульпации сохраняют возможности сохранения за субъектом высказывания достаточной степени к векторам управления развитием дискурса [3, с. 78]. Трансляция лексических компонентов в данном случае не представляет сложности. Однако следует отметить принципиальную невозможность сохранения того же перлокутивного эффекта, который достигается в оригинальном высказывании. Происходит снижение эффективности оправдания своих действий ввиду несоответствия ментальных пространств концептуализации «намеренности» действия, а также значительной большей сферы ядерного пространства валерного содержания вербализатора *insurance* в американской лингвокультуре. При переводе компоненты концептуального поля WEALTH нивелируются по причине отсутствия содержательных элементов материального достатка в русскоязычном концепте БЛАГО, который характеризуется только слотами «духовность», «добро», «абсолют», «сохранение» и т.д.

В следующем выражении конфессивность подкрепляется тактикой фатализации (добровольного принятия наказания), отдельно вербализуемые компоненты «ответственность» и «осознанное действие» расширяют экспликативные возможности перформативного высказывания. Акты покаяния и самопровозглашения сливаются в едином коммуникативном статусе, который порождает градационную форму самоуничтожения: *I confess, but never pay dividends, nothing to explain away, my conscience drives me fall! The punishment it doesn't matter to me right now! I already convicted, destroyed, got my instant karma!* [8, p. 83]. – *Я признаюсь, я каюсь, ни к чему оправдания – вина гонит меня на самое дно! Какое наказание мне сейчас назначат не имеет значения! Я уже наказан, раздавлен, успепелен* (перевод автора – О.К.). Сохранение адекватного оригиналу перлокутивного эффекта при трансляции данного перформативного высказывания достигается за счет применения приема смыслового развития и повышения степени экспрессивности. Маркеры конфессивного акта исходного выражения *I confess, but never pay dividends* подразумевают противительную связь компонентов «признание» и «оправдание», которое характерно для архетипической оппозиции в американском ценностно-ориентационном

пространстве. В русской лингвокультуре концептуализированное понятие «признание» не подразумевает элемента «оправдание», его более высокая степень – это концепт ПОКАЯНИЕ, который может выступать в качестве контекстуального соответствия как семантическое развитие контрверзных отношений. Лексемы, эксплицирующие самоуничтожение, реализуют значимые в концептуально-валерной системе американского сообщества экстериорное осуждение *convicted* и неизбежность наказания *got my instant karma*, в целевом тексте они приобретают компоненты внутреннего «духовного самоистязания» и содержат нозмы «ад», которые имманентно присутствуют в вербализаторе *успепелен*. Таким образом расширение эмотивно-экспрессивного фона перформативного акта признания сохраняет необходимый перлокутивный эффект.

В высказываниях основанных на сочетании манифестации и бравады наиболее часто используется прямое провозглашение самого себя доминантным актантом в ситуации семиозиса. Например, *"I'm chief," said Ralph tremulously. "And what about the fire? And I've got the conch" –* [9, p. 131]. – *Я главный, – дрожащим голосом сказал Ральф. – И как же костер? И у меня рог...* (перевод Е. Суриц). В данном примере эксплицитное декларирование главенства *I'm chief*, которое несмотря на описание, следующее в дальнейшем горизонтальном контексте и указывающее на скрытую неуверенность данным перформативном акте, вызывает у реципиента убежденность в аргументированности высказывания. Подобное подкрепления манифестирующей перформативности достигается благодаря упоминанию о наличии некоего символа власти, в данном случае это используемая в широком контексте бравады амфиболия лексемы *conch*, которая кроме простого уточнения некоего артефакта «раковина моллюска» имеет и значение образованное в рамках метонимического переноса – «власть», «порядок», ведь раковина выстраивается в строго определенном алгоритме наложения кальция в форме спирали.

Трансляция данного символического вербализатора в русскую лингвокультуру осложнена отсутствием системных соответствий данных значений в переводящем языке. Для обеспечения трансляции данных обертонов в целевом тексте применяется контекстуальное соответствие, базирующееся на метафорическом переносе функционала артефакта, который используется в качестве духового инструмента для подачи сигналов. В русском языке подобный инструмент называется «рог», кроме того при применении данной трансформации сохраняется экспликация формы предмета, но что более важно создаются ассоциативные обертоны к понятию «сигнальный рожок», а также интенсификация аллюзивных смыслов с символическим и мифологическим «рогом Хеймдала» как атрибутом власти и упорядочивания мира.

Следует указать и на контекстуальное соответствие *костер*, произведенное на основе сужения семантики вербализатора *fire*, которое в широком контексте может рассматриваться в качестве аллюзивной отсылки к мифологическим мотивам (миф о Прометее, принесшем огонь людям). Таким образом главенствующее положение героя подкрепляется не

только наличием символов власти, но и декларированием заслуженного пиетета и подчеркиванием легитимности собственных притязаний в форме вопроса-напоминания *как же костер?* При использовании такой хеджированной формы манифестации усиливается степень доступа к управлению развитием дискурса, поскольку расширяются валентностные возможности высказывания связанные с необходимостью контркоммуникантов каким-то образом реагировать на вопросную форму, причем в рамках той тематики, которая задается продуцентом.

В рамках подобной манифестационно-бравадной экспликации производится легитимизация доминирующего положения продуцента как в рефлексивном, так и в реальном действии, а контроверз перформативности персонажной речи с эмоционально-демонстрационным содержанием слов автора производит необходимый перлокутивный эффект, который сохраняется в целевом тексте. Контроверзные обертоны представляются доминантными в любой коммуникативной практике, ведь несовпадение либо рефлексивных пространств, либо средств вербализации и порождает коммуникацию. Так В. А. Лукин считает, что отсутствие противоречий и наличие полного согласия в действиях до его коммуникативного достижения представляет собой определенный вид коммуникативной дисфункциональности – отсутствие коммуникации вообще [6, с. 95].

В процессе реализации субъект-объектного вектора вербального взаимодействия четко усматривается лимитирующая роль объектной составляющей. При ограничении доминирующей роли субъекта наиболее частотной является устанавливающая стратегия, которая обеспечивается рядом комиссивных приемов, основанных как на самоограничениях (акты клятвы, обещания, мольбы), так и на хеджированном ограничении с совместной ответственностью за перформативное высказывание (акты спора, пари, коммитативного действия). Каждое ограничение и снижение степени доступа к управлению дискурсом является несвойственным для узуального концептуально-валерного пространства потенциального манипулирования, однако, в персонально-ориентированном дискурсе имеет достаточно распространение ввиду объективной необходимости принятия на себя каких-либо обязательств. *I beg you... How can you blame me, everything depends not only on me but many things to attend... Don't you think I'm Almighty!* [8, p. 211]. – *Я Вас умоляю... Какие претензии Вы можете мне предъявлять, ведь выполнение моего обещания зависит не только от моего желания... тут миллион факторов... Я же не Господь Бог!* (перевод автора – О.К.). В данном случае ограничительный акт мольбы *I beg you...* эксплицирует преуменьшение собственной значимости и имплицитно трансфер доминирующей роли неким третьим силам *many things to attend*. При этом уточним, что снижение степени доступа или же передача коммуникативной роли субъекта, управляющего коммуникацией, не происходит. Охранительные тактики (хеджирования, передачи ответственности, ссылки на непререкаемые авторитеты *Don't you think I'm Almighty!*) поддерживают продуцента в его актуализированной роли.

Трансляция маркеров лимитации в данном высказывании не вызывает затруднений, однако для

сохранения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта необходимо применяется коррекция на основе социокультурной прагматической верификации. Так в целевом тексте применяется комплексная трансформация с гиперболой *тут миллион факторов*, повышающая экспрессивность исходного выражения *many things to attend*, для создания повышенного эмотивного фона контекстуального противопоставления понятий «обещание» и «мольба». Контекстуальное соответствие вербализатору *Almighty*, который призван эксплицировать коммитативную ответственность и ссылку на непререкаемый авторитет, принимает форму характерную для русской лингвокультуры *Господь Бог*. Таким образом с помощью более экспрессивных культурных концептов достигается сохранение перлокутивного эффекта.

Манифестирующая перформативность в персонально-ориентированном взаимодействии реализуется в амфиболической нисходяще-восходящей триаде «субъект – объект – субъект». При этом нисходящий вектор характеризуется объективацией супрадоминирующего характера субъекта, т.е. принимает форму директивных коммуникативных актов, не требующих аргументации и принимаемых на веру: приказов, запретов и т.п. Кроме того существует возможность интенсификации компонентов авторитетного мнения в сходных коммуникативных действиях, осложненных самопрезентацией продуцента в качестве эксперта: совет, предупреждение, разрешение и т.д. Подтверждение субъектом-продуцентом) соподчиненного статуса субъекта-реципиента основывается на факторе ассертивности или хеджирования коммуникативных последствий со стороны реципиента.

Обратим внимание на снижение степени доминирования при осложненных экспертными компонентами директивных актах, однако, невозможности ее полного элиминирования в предупреждениях и советах. Происходит компенсация актуальной роли определяющего ход развития коммуникации субъекта за счет актуализации авторитетного (экспертного) мнения говорящего. *Kevin, standing akimbo and his lower lip pushed out, insisted on that outcome in court: "Well, fuck the old asshole, I'll do what I've said anyway! As a partner, I'm within my full right to never bring it to him! What does he have to put up against me, except his longer membership in the Panel? And I don't care a spit about his senior age!"*

Rosenfeld, sinking even deeper into his leather chair and taking a drag on his Havana cigar, retorted calmly: "My boy, you're wrong here. Of course, I don't know much about all the things you have with him, but given my status, here's my advice to you – don't you piss against the wind!" [8, p. 327]. – *Кевин подбоченившись и выпятив нижнюю губу настаивал на таком исходе в суде – Ну и черт с этим старым ослом, я сделаю так, как сказал! Я как партнер вполне могу позволить себе не ставить его в известность! Что он сможет мне противопоставить, разве что более длительное членство в коллегии. Да и с почтенным его возрастом я муриться не намерен!* – Розенфельд, погружившись ещё глубже в свое кожаное кресло и затянувшись «Гаваной», спокойно парировал – *Мальчик мой, ты не прав, я, конечно, не специалист в Ваших с*

ним делах, но **с высоты своего положения не советую Вам «ссать против ветра»!** (перевод автора – О.К.). В данном пассаже молодой адвокат стремится нивелировать превосходство своего коллеги с рамках стратегии дискредитации, которая приобретает форму инвективных директивных высказываний **fuck the old asshole**. При этом манифестируется собственное доминирующее положение на основе переосмысления и девальвации преимуществ оппонента **longer membership in the Panel**, которое имманентно содержит в себе собственное возвышение (принадлежность к гильдии в столь молодом возрасте). Выступающий в данном споре третичный агент коммуникации (старший коллега) в качестве объектно-ситуативного компонента опосредует полную элиминацию доминирующего положения объекта коммуникации, подкрепляя свой совет аргументом к пафосу **given my status**, которое укрепляется формой снисходительного обращения – **My boy** и использованием обценного устойчивого выражения **«piss against the wind»**. Следует подчеркнуть несвойственность английской лингвокультуре прямой дискредитации контркоммуниканта в отличие от русской, где нет табуирования непосредственного обличения [5, р. 142] именно поэтому вариант **I would disagree** будет обладать тем же функционально-прагматическим потенциалом, что и синонимичная конструкция со сменой активного субъекта **ты не прав**. Степень несогласия эксплицируется на лексическом уровне компонентом **completely**, который опускается в целевом тексте с целью сохранения степени экспрессии, ведь конструкция прямого обличения «ложности» мнения оппонента не нуждается в дополнительном усилении.

Трансляция обертонов экспертного суждения в этом примере осуществляется благодаря поиску эквивалентного соответствия в фразеологизму в переводе на язык **«ссать против ветра»**. Кроме того кинемы, описывающие невербальное поведение контркоммуниканта, в отличие от бравурного поведения Кевина, репрезентируют внутреннее спокойствие и переводятся в рамках снижения степени психо-эмоционального напряжения **затянувшись «Гаваной»**. **спокойно парировал**, а открытая апелляция к собственному авторитету оставляет за ним возможность приоритетного доступа к управлению коммуникацией **Кевин сник...** Языковая реализация тактики оспаривания в стратегии манифестации и в оригинальном и в целевом тексте осуществляется за счет применения приемов дискредитации субъекта и объекта коммуникации в экспозитивных высказываниях.

Однако возможно применение тактики субъектного самопозиционирования осложненного подчиненного пространством делегирования актуальной роли. Подобные способы применяются в условиях восходящего вектора опосредованной субъект-субъектной коммуникации, т.е. соподчиненное положение эксплицируется посредством апеллятивов и реквестивов (молитва, просьба о помощи). Данные речевые акты позволяют реализовать коммуникативное первенство в условиях субъект-субъектной асимметрии и прогнозировать дальнейшие коммуникативные действия реципиента на основе реактивного взаимодействия.

– *As a **small fry**, of course, I **can't** handle this game. You, however, are an old hand on things like that*

*... I can't even imagine anything that can ever keep you from dumping this ballast. As for me, though, I **swear** I will collect all the information. I'm **begging** you... but it's only **for God's sake**! There is nothing else I can offer. Noting but my infinite gratitude and utter support! [8, р. 324]. – Я как **мелкая сошка**, конечно, **не могу** разыграть эту партию. Но ведь Вы то собаку на таких делах съели... Что Вам то мешает сбросить этот балласт, а я со своей стороны **клянусь** собрать всю информацию. **Прошу Вас**,... но только **за ради Бога!** – больше то мне нечем Вас одарить, только своей бесконечной признательностью и всемерной поддержкой! (перевод автора – О.К.)/*

В случае интенциональной реализации соподчиненного положения инсталляционные перформативы сопровождаются реквестивами и инъюнктивными семантика которых не зависит от ситуации семиозиса. Данные формы представляются универсальными для большинства лингвокультур и описывают стандартную когнитивную ситуацию осознания «собственной беспомощности».

В вышеприведенном примере недоминирующее положение манифестируется в вербализаторе **small fry** как одна из ключевых манипулятивных стратегий модального подпространства невозможности совершения действия **can't**. Кроме того описываемая ситуация в аспекте поддержания степени доступа к управлению дискурсом осложняется прямой просьбой о помощи в форме реквестива **I'm begging you** и виндиктива **I swear**. Особенности речевого акта клятвы становятся компоненты обещания некоторых феноменов рефлексивной или объективной реальности, обладание которыми не входит в систему влияния субъекта речи.

Экспликативные и функциональные потенции реквестивов и виндиктивов имеют универсальный характер в большинстве языков, а потому трансляционная специфика данных актов в перформативном высказывании детерминирована лишь степенью эксплицируемого соподчинения (просьба, мольба или обещание, клятва). Таким образом, перекодирование подобных коммуникативных действий не вызывает сложностей, – все они имеют эквивалентные соответствия в рассматриваемых языковых системах, а минимальные «отличия в экстралингвистическом опыте и речеповеденческих привычках, основанных на индивидуально-личностных характеристиках» [7, с. 104] не несут диссоциативных функций.

Гораздо более сложной для передачи заложенного в оригинале перлокутивного эффекта при переводе обладают тактики консалидационного/конфронтационного позиционирования. Акты похвалы, как и другие комплиментаторы, вне зависимости от их верификации на основе критерия истинности/ложности, призваны объединить аксиологические пространства контркоммуникантов, ввести персональные характеристики описываемого объекта в консонантные отношения. Тактика конфронтационного позиционирования наоборот в дисфункциональных актах угрозы, упрека, оскорбления формирует пространство диссонанса аксиологических компонентов продуцента и реципиента. Каждая из тактик является вариативной и детерминирована в терминах ассерции и хеджирования с позитивным или негативным ассоциированием. В случае узуального использования в бытовой коммуникации данные тактики не

несут в себе инсталляционной перформативности (комплимент супругу или другу не оценивается как коммуникативно-перформативное действие, т.е. не несет манипулятивного задания). В то же время истинно или ложно верифицируемый комплимент в деловых переговорах или общении коллег, реализующих разностатусные актуализированные роли создает прецедент поступка при положительной верификации и проступка при отрицательной верификации (подхалимство, лицемерие, угодничество). Ментальная специфика аксиологического варьирования «позволяет установить соотношение между осознанием действительности и конкретными языковыми формами» [1, с. 31].

Коммуникативные акты, опредмечивающие соподчинение в рамках тактики консолидационного/конфронтационного позиционирования проявляют свою дуальность в вариативности нисходящих и восходящих векторов субъектно-субъектной асимметрии [4, с. 118], поскольку основой избрания того или иного из них служит не только иерархия актуальных ролей, но и тип аксиологической интерпретации. Сохранение поверхностной структуры при переводе данного типа высказываний часто меняется на противоположный, т.е. антонимический перевод является наиболее эффективным в аспекте сохранения перлокутивного эффекта.

Таким образом, в перформативных высказываниях инсталляционного типа в рамках реализации преимущественно двухвекторной интерпретации (ситуативно-объектно опосредованной субъект-субъектной и субъект-объектной) происходит константная смена доминантных позиций субъекта-продуцента и субъекта-реципиента. Осуществляемая смена верификационных кодов обеспечивает сохранение степени доступа к управлению векторами развития дискурса и создает ассертивно-хеджированное пространство, позволяющее как нести полную степень ответственности за свершенный коммуникативно-деятельностный акт, так и перенести её на контркоммуниканта или третью силу. Доминирующий субъект реализуется в тактиках манифестации, конфессивности и бравады, в то время как соподчиненное пространство обеспечивается апеллятивными и реквестивными актами на основе тактики консолидационного/конфронтационного позиционирования. В процессе трансляции адекватного перлокутивного эффекта инсталляционной перформативности необходимо придерживаться стратегии динамической эквивалентности с привлечением постпереводческой коррекции на основе прагматической верификации, а также аддикции или девальвации экспрессивных компонентов исходного перформатива.

Литература

1. Бредихин С. Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №3 – 1 (21). С.29–33.
2. Бредихин С. Н., Банман П. П. Вербализация категории перформативности в предписывающих конструкциях конвенционализирующего текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №1. С.120–127.
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И. Способы экспликации степени доступа к управлению институциональным дискурсом посредством устойчивых выражений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6 – 2(72). С.78–81.
4. Бредихин С. Н., Серебрякова С. В. Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С.114–121.
5. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С.118–157.
6. Лукин В. А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсивные стратегии, текстовые свойства // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С.91–109.
7. Князева О. В. Специфика трансляции коннотативных смыслов окказиональных терминов (на материале текстов английской философской аналитики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6 – 2 (72). С.103–105.
8. Bilal P. The Ghost Runner: A Makana Investigation. London: Bloomsbury, 2015. 432 p.
9. Golding W. Lord of the Flies. London: Faber and Faber, 1997. 240 p.

References

1. Bredikhin S. N. Lingvokulturologicheskiy aspekt smyslopороzhdenniya na grammaticheskom urovne (*Linguocultural aspect of sense creation on grammatical level*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 3-1(21). P. 29–33 (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Verbalizatsiya kategorii performativnosti v predpisuyayushhikh konstruktivnykh konventionaliziruyushhego teksta (*Performativity category verbalization in prescriptive constructions of a conventionalizing text*) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. No. 1. P. 120–127 (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Bredikhina Yu. I. Sposoby eksplikatsii stepeni dostupa k upravleniyu institutsional'nym diskursom posredstvom ustoychivyykh vyrazheniy (*The methods of explication of the level of access to the management of institutional discourse by means of set expressions*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 6–2 (72). P.78–81 (In Russian).
4. Bredikhin S. N., Serebriakova S. V. Sub'ektno-ob'ektnaya asimetriya pri raspoznavanii rechi (*Subject-object asymmetry in speech recognition*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki (*Issues of cognitive linguistics*). 2016. No. 4 (49). S.114–121 (In Russian).
5. Wierzbicka A., Goddard C. Discourse I kul'ture (*Discourse and culture*) // Zhanry rechi (*Speech genres*). Saratov: College, 2002. Issue. 3. P.118–157 (In Russian).
6. Lukin V. A. Protivorechie i soglasie: yazykovyye kontsepty, diskursivnyye strategii, tekstovyye svoystva (*Contradiction and harmony: language concepts, discourse strategies, textual peculiarities*) // Voprosy Jazykoznanija (*Topics in the study of language*). 2003. No.4. P.91–109 (In Russian).
7. Knyazeva O. V. Spetsifika translyatsii konnotativnykh smyslov okkazional'nykh terminov (na materiale tekstov anglijskoj filosofskoj analitiki) (*Specifics of transferring connotational meanings of occasional terms (by the material of the english philosophical analytics)*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No.6–2 (72). P.103–105. (In Russian).
8. Bilal P. The Ghost Runner: A Makana Investigation. London: Bloomsbury, 2015. 432 p.
9. Golding W. Lord of the Flies. London: Faber and Faber, 1997. 240 p.

Сведения об авторах

Князева Оксана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ksushenka124@mail.ru

Болдырева Валерия Андреевна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / valeryboldyрева@yandex.ru

Information about authors:

Kniazeva Oksana – PhD in philology, Associate Professor, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ksushenka124@mail.ru

Boldyreva Valeriia – postgraduate student, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / valeryboldyreva@yandex.ru